

УДК 355.123.1

Проблема массовых арестов и их влияние на психологию военных специалистов Красной Армии в годы Гражданской войны

Дарья Д. Гурская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dg304@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется политика органов ВЧК в отношении бывших царских офицеров, перешедших в 1918 г. на службу в Красную Армию, а также воздействие арестных практик на душевное состояние данной части командного состава РККА. «Перегибы» в местных органах ВЧК в отношении военспецов имели место в 1918–1919 гг., когда центральная власть была еще слаба и сама не имела четкого ответа на вопрос «доверять или нет» представителям старого офицерства. Тем самым военные специалисты, неся службу в рядах Красной Армии, сталкивались не просто с подозрительностью в свой адрес, а со страхом быть репрессированным за малейшую ошибку или даже просто за профессиональную и социальную принадлежность. Автор приходит к выводу, что атмосфера страха перед завтрашним днем, недоверия и презрительного отношения к себе способствовала ухудшению психологического состояния бывших царских офицеров. В первую очередь это влияло на эмоциональную составляющую, вызывая апатию, нервные срывы, но также и на физическую, что выражалось в снижении иммунитета и как следствие росте заболеваний среди военспецов.

© Гурская Д.Д., 2025

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, военные специалисты, психология комбатанта, ВЧК, репрессии

Для цитирования: Гурская Д.Д. Проблема массовых арестов и их влияние на психологию военных специалистов Красной Армии в годы Гражданской войны // Молодой историк. 2025. № 3. С. 132-141.

Mass arrests and their impact on the psychology
of the Red Army military specialists during the Civil War

Daria D. Gurskaya
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dg304@yandex.ru

Abstract. This article examines the Cheka policy against former tsarist officers who joined the Red Army in 1918. The author investigates the impact of arrest practices on the mental state of this group of Red Army commanders. The "excesses" in the local Cheka's treatment of military specialists occurred in 1918-1919, when the central government was still weak and had not yet clearly defined its stance on trusting or mistrusting members of the old officer corps. As a result, military specialists serving in the Red Army faced not only suspicion, but also the fear of being repressed for the slightest mistake or even for their professional and social background. The author concludes that the atmosphere of fear for the future, mistrust, and contempt contributed to the deterioration of the psychological state of former tsarist officers. It affected both, their emotional state, causing apathy and nervous breakdowns, and their physical condition, which was expressed in a decrease in immunity and as a result, an increase in diseases among military specialists. The combination of these factors, in turn, affected their working capacity.

Keywords: Civil War, Red Army, military specialists, combatant psychology, Cheka, repressions

For citation: Gurskaya, D.D. (2025), “Mass arrests and their impact on the psychology of the Red Army military specialists during the Civil War”, *Young Historian*, no. 3, pp. 132-141.

Вопрос о бывших царских офицерах, поступивших на службу в РККА, занимал исследователей еще во время существования СССР. Так, в советской историографии фундаментальной работой стала монография А.Г. Кавтарадзе, в которой автор впервые отошел от принципов, которые диктовала в то время отечественная историческая наука, придававшая большое значение личности В.И. Ленина и его роли в становлении новой советской государственности. Исследователь занялся изучением непосредственно службы военных специалистов в Красной Армии в годы Гражданской войны [Кавтарадзе 1988].

В современной российской историографии первым, кто обратился к таким вопросам как повседневность офицерства, обычаи и традиции этой части командного состава Русской императорской армии стал С.В. Волков [Волков 1993]. В монографии, посвященной расколу внутри офицерского корпуса после событий 1917 г., историк обратился к проблеме его трансформации за годы Первой Мировой войны, к причинам выбора офицерами той или иной стороны конфликта в Гражданской войне, о формировании офицерских корпусов в лимитрофных государствах [Волков 2001]. На данный момент виднейшим исследователем бывших царских офицеров, перешедших на службу в Красную Армию, является А.В. Ганин. Историк в многочисленных работах анализирует как мотивы перехода офицеров Русской императорской армии в РККА, так и их фронтовую повседневность, обычаи в годы Гражданской войны [Ганин 2017, 2019]. Однако исследователь не уделяет должного внимания непосредственно «человеку», психологии бывшего царского офицера, который оказался, во-первых, перед тяжелым выбором, который мог определить его судьбу; а во-вторых, те, кто все-таки принял решение связать свою жизнь с Красной Армией, были в ситуации отчужденности: офицер оказался в ряду красноармейцев, по большей части бывших рабочих и крестьян. Впервые к психологии комбатанта обратилась в конце 1990-х гг.

Е.С. Сенинская. В ее фундаментальной работе, которая заложила основы военно-исторической антропологии, рассматривается внутренний мир отечественного военнослужащего с русско-японской по Афганскую войны. Однако события Гражданской войны опущены в монографии вовсе [Сенинская 1999]. Проблема репрессий в годы Гражданской войны в отношении военных специалистов РККА частично была раскрыта А.В. Ганиным, однако без акцента на влиянии данных практик на психологию старого офицерства [Ганин 2017, с. 461–490]. Следовательно, исследование позволит выявить особенности психологического состояния бывших царских офицеров, на которое влияли кроме фронтовой повседневности и преследования со стороны карательных органов РСФСР.

Вскоре после создания «новой социалистической армии» и начала крупномасштабных боевых действий Гражданской войны перед властями Советской России встал вопрос о необходимости привлечения старого офицерства Русской императорской армии к делу военного строительства и организации Вооруженных войск Советской России. Во второй половине 1918 г. начался призыв военных специалистов в ряды Красной Армии, который, однако, был воспринят неоднозначно: «военная оппозиция», выступившая с обвинениями в адрес бывших царских офицеров на IX съезде РКП(б) в 1919 г., осудила их как «классовых врагов» и призвала к ликвидации данного института внутри РККА¹. Данные настроения господствовали не только в «верхах» партии, но и в среде обычных рядовых служащих Красной Армии, а также работников местных Чрезвычайных комиссий, контролирующей деятельность военспецов.

Вследствие данного очевидно негативного настроения большей части служащих и представителей власти к бывшим царским офицерам, а также измен, которые стали иметь место в среде военспецов в 1918 г., их стали подозревать априори в антисоветской деятельности и желании развалить армию изнутри². Именно в 1918 г. был отмечен пик репрессий в отношении военных специалистов. Сетования на данную тенденцию (быть

¹ РГАСПИ. Ф. 41 Оп. 2 Д. 6. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1. Лл. 35, 45.

² РГАСПИ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1. Л. 63

арестованным зачастую за обыкновенную принадлежность к старому офицерству-прим.), а как следствие на ухудшение эмоционального и физического состояний нашли отражение в письмах, дневниках, телеграммах, направляемых военспецами представителям высшего военного командования. Старое офицерство, оказавшееся в столь тяжелой ситуации тотального недоверия и презрения, пыталось найти поддержку и защиту.

Так в письме генштабиста Л.К. Александрова, которое было направлено М.Д. Бонч-Бруевичу, бывшего в то время военным руководителем Высшего военного совета, отмечается, что большое число арестов, которые, со слов военспеца, необъяснимы и не имеют под собой никаких оснований, его «терроризировало» и лишило сил для продолжения службы³. «Я потерял под ногами всякую почву», – такой фразой заканчивает Александров свое послание Бонч-Бруевичу⁴.

Проблема репрессий, применяемых в отношении старого офицерства, находит подтверждение и в рассказе А.Х. Андерсона, инспектора пехота при Полевом штабе РВСР. В 1919 г. он был подвержен аресту на два дня и, главное, без какого-либо ордера. Со слов Андерсона, он приехал с места службы в Москву, чтобы отдать свое пальто в ателье, однако сразу по прибытии на Курский вокзал был арестован агентами Московской чрезвычайной комиссии⁵. Не получив объяснений ареста, офицер был посажен в машину и поставлен перед фактом, что его доставят в Чрезвычайную комиссию на Лубянку. Андерсон не понял, что происходит, и сослался на необходимость срочно вернуться на вокзал, однако получил отказ. Тогда инспектор пехоты поинтересовался, не арестовывают ли его, на что получил положительную реакцию от агентов⁶. В ответ на это военспец предложил показать документы, подтверждающие занимаемую им должность, дабы доказать свою невиновность, на что агент МЧК сказал «там, разберут»⁷. Эту ситуацию А.Х. Андерсон вспоминал еще ни раз в своих мемуарах,

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 142.

⁴ Там же. Л. 142об.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 141.

⁶ Там же. Л. 141об.

⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 141об.

что свидетельствует о том эмоциональном потрясении, которое он пережил в момент ареста.

В фонде Штаба высшего военного совета сохранилось письмо, по своей краткости напоминающее более записку, датированное также 1918 г. Военспец (возможно, Серимов – прим.) обращается к генштабисту Н.И. Раттэлю, занимающему в 1918 г. ряд высоких должностей в РККА, с просьбой сохранить былое доверие к нему, так как обвинения, которые ему были предъявлены, ложны, и он к ним непричастен⁸. Также автор жалуется на свое душевное состояние: несправедливый арест вызвал у него эмоциональное истощение⁹.

А.Д. Шеманский в 1918 г. обращается напрямую к заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому с просьбой об освобождении из-под заключения и снятие обвинений, предъявляемых ему. Причем, как отмечает автор, арест длится уже месяц, а поводов для репрессий в его адрес он не подавал¹⁰. В данном случае интересен тот факт, что Шеманский и Склянский, видимо, были лично знакомы – военспец ссылается сначала на комиссара Управления Генерального штаба, который готов за него поручиться, а потом подчеркивает, что сам Склянский направил его некоему Фемееву, во время службы у которого, как видно из текста письма, Шеманский и был арестован¹¹.

В этом же году в послании, направленном руководителю Полевого штаба РВСР С.И. Аралову и председателю РВСР А.Д. Троцкому об аресте В.В. Трофимова, также бывшего царского офицера, доказывается необоснованность вынесенного ему обвинительного приговора, так как прямые свидетельства его виновности отсутствуют¹². Буквально через пару недель после разбирательства Трофимова освободили. Также 1918 г. датирована телеграмма военного специалиста А.Н. Ковалевского. В письме он акцентирует внимание на своей верности Советской России и

⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

¹⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 88об.

¹¹ Там же.

¹² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.

ложности обвинений, которые ему приписываются. Преданность советской власти Ковалевский доказывает через поступки: во-первых, он участвовал в подавлении антибольшевистского мятежа казаков, а во-вторых, перевез свою семью из Украины на территорию РСФСР, тем самым как бы доверив ее большевикам. Таким образом, он «прочно связал свою судьбу с Советской России, которой изменить уже по одному этому не в состоянии»¹³. Совокупность этих фактов для бывшего царского офицера выступает показателем абсолютной верности новому социалистическому режиму. Это письмо, как видно из контекста и приведенной цитаты, отличается особой эмоциональностью, автор всеми силами старается доказать ложность обвинений. Однако А.Н. Ковалевского вскоре после отправки этого письма расстреляли.

Особого внимания в рассматриваемой теме заслуживает телеграмма, которая была направлена военному руководству от бывшего царского офицера, непосредственно находящегося в заключении. Это послание пропитано не просто апатией, а настоящей душевной болью, отчаянием, бессилием перед грозной силой режима. Таким предстает письмо военного специалиста С.М. Языкова. Будучи заключенным в Бутырскую тюрьму у Языкова умер брат Николай. В обращении к Я.Х. Петерсу, заместителю председателя ВЧК, военный специалист умоляет его отпустить на день, чтобы похоронить брата¹⁴. К тому же он отмечает, что место уже выделено на Волковском кладбище и похороны никто, кроме него, организовать не сможет, так как других родственников нет¹⁵. Однако на эту просьбу Языков получил отказ. В дальнейшем судьба бывшего царского офицера была связана уже не с РККА: в 1919 г. он смог бежать и перейти на службу к А.И. Деникину [Ганин 2017, с. 469]. Данная ситуация демонстрирует, что необоснованные репрессии среди военспецов не вели к сокращению измен, к которым апеллировали сторонники отстранения офицеров из Красной Армии, а наоборот,

¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 17.

¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 129.

¹⁵ Там же.

способствовали переходу военных специалистов в антибольшевистский лагерь.

Таким образом, на основании приведенных писем можно сделать вывод о том, что массовые аресты имели реальный характер. Они затрагивали бывших царских офицеров – как занимающих рядовые должности в армиях, так и военное руководство, например, представителей Полевого штаба РВСР. Об этом же говорит и статистика: только за сентябрь 1918 г. в Петрограде без обвинений было арестовано 12 военных специалистов¹⁶. Эти цифры только по одному городу за один месяц! Однако тут же встает вопрос: знала ли высшая власть о «перегибах» на местах?

Ответ на данный вопрос можно найти, обратившись к двум документам, находящимся на хранении в РГАСПИ и РГВА. Первый – доклад главнокомандующего всеми Вооружёнными Силами РСФСР И.И. Вацетиса лидеру партии большевиков и председателю СНК РСФСР В.И. Ленину. В этом документе сообщалось однако не столько о проблеме репрессий по отношению к военспецам, сколько о подозрительности к бывшим царским офицерам в целом: как в рядах красноармейцев, так и в целом партии¹⁷. Однако этот факт вызывал, по словам автора, рост заболеваемости среди старого офицерства, что сказывалось на работе в армии¹⁸. Второй же источник имеет к освещаемой проблеме прямое отношение. В приказе Президиума ВЧК всем Чрезвычайным комиссиям от 1919 г. за авторством лично главы ВЧК при СНК РСФСР Ф.Э. Дзержинского и председателя Всеукраинской ЧК М.И. Лациса был установлен факт арестов военных специалистов по причине того, что «он бывший дворянин», но эта практика составителями документа была признана пагубной и неблагоразумной¹⁹. В тексте документа местным ЧК было указано прибегать к репрессиям только в случае выявления намеренно антибольшевистской деятельности на занимаемых старыми офицерами постах. Тут же Дзержинским и

¹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 60б.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267.

Лаписом подчеркивался тезис о том, что бывший царский офицер, исправно исполняющий свой долг, будет намного полезнее Советской России на полях Гражданской войны, нежели военспец, помещенный под заключение²⁰.

Подводя итоги, репрессии в отношении военных специалистов Красной Армии в годы Гражданской войны имели массовый характер в 1918–1919 гг., далее отмечен спад арестных практик. Советское руководство знало о существующей проблеме, но долгое время не могло повлиять на ситуацию. Можно сделать предположение, что приказ ВЧК всем Чрезвычайным комиссиям от 1919 г. смог все же пресечь эту тенденцию и вскоре свести необоснованные репрессии в отношении военспецов вовсе на «нет». Однако за эти два года, когда представителей старого офицерства считали «классовыми врагами» и подвергали арестам только из-за их профессиональной принадлежности, психологическое состояние военных специалистов было значительно подорвано. В первую очередь это отражалось на эмоциональной составляющей: неуверенность в завтрашнем дне, незащищенность от произвола местных органов ЧК способствовали развитию эмоциональных истощений, апатий, возникновению нервных срывов среди бывших царских офицеров. Страдало и физическое состояние: отмечен рост заболеваемости у рассматриваемой части командного состава РККА.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Волков 1993 – *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
- Волков 2001 – *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 507 с.
- Ганин 2017 – *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2017. 680 с.
- Ганин 2019 – *Ганин А.В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М: Центрполиграф, 2019. 318 с.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267.

- Кавтарадзе 1988 – *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. / Отв. ред. В.И. Петров; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. 276 с.
- Сенявская 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.

REFERENCES

- Ganin, A.V. (2017), *Povednennaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [The daily life of General Staff officers under Lenin and Trotsky], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Ganin, A.V. (2019), *Russkii ofiterskii korpus v gody Grazhdanskoi voiny. Protivostoyanie komandnykh kadrov. 1917–1922 gg.* [The Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command cadres. 1917–1922], Tsentropoligraf, Moscow, Russia.
- Kavtaradze, A.G. (1988), *Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg.* [Military specialists in the service of the Republic of Soviets, 1917–1920], Nauka, Moscow, Russia.
- Senyavskaya, E.S. (1999), *Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [The Psychology of War in the Twentieth Century: Russia's Historical Experience], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (1993), *Russkii ofiterskii korpus* [Russian officer corps], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (2001), *Tragediya russkogo ofitserstva* [The tragedy of the Russian officer corps], Tsentropoligraf, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Д. Гурская, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dg304@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Gurskaya, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dg304@yandex.ru